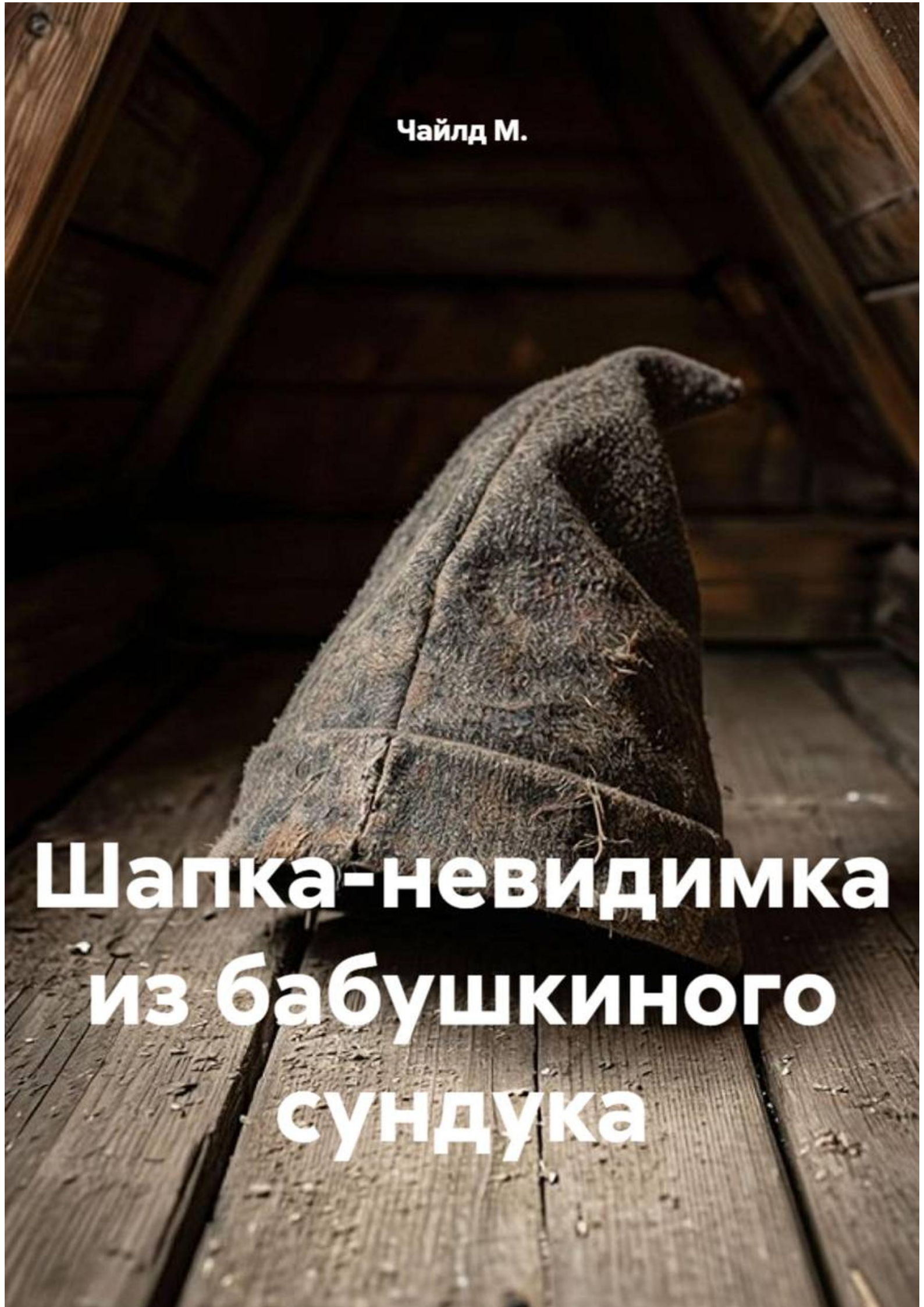

Чайлд М.

Шапка-невидимка из бабушкиного сундука

Чайлд М.

**Шапка-невидимка из
бабушкиного сундука**

«Автор»

2026

М. Ч.

Шапка-невидимка из бабушкиного сундука / Ч. М. — «Автор»,
2026

Десятилетний Мишка и его восьмилетняя сестра Катя проводят лето у бабушки в деревне. На пыльном чердаке они находят шапку-невидимку, принадлежавшую когда-то загадочной женщине по имени Аграфена. Сначала дети шалят: пугают кота, подкладывают сахар в соль. Но когда бабушка теряет очки, а в деревне начинают пропадать овощи, они понимают: невидимость не отменяет совести. Шапка помогает им найти вора — голодного медведя, спасти несправедливо обвинённую соседку, вернуть письмо, которое не дошло до адресата, и обрести настоящих друзей. Это история о добре, совести и о том, что настоящее волшебство живёт в наших руках и сердцах.

© М. Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Бабушкин сундук	5
Глава 2. Утро после чуда	12
Глава 3. Ночной гость	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Чайлд М.

Шапка-невидимка из бабушкиного сундука

Глава 1. Бабушкин сундук

Лето в деревне у бабушки всегда начиналось одинаково: с запаха парного молока, с громкого петушиного крика за окном и с мягкого, тёплого, как пуховый платок, бабушкиного голоса, который будил нас ни свет ни заря. Но в то утро всё пошло иначе. В то утро мы с сестрой Катей проснулись сами, потому что солнце уже во всю светило в окно, а бабушки в доме не было — она ушла в огород, оставив на столе записку, придавленную тяжёлым чугунным утюгом: «Внучата, каша в печи, молоко в крынке. Не балуйтесь. Скоро вернусь. Бабушка».

Мы с Катей переглянулись. Катя — ей было восемь, на два года меньше меня, — сидела на кровати, свесив босые ноги на пол, и терла кулачками глаза. Волосы у неё были растрёпаны, как солома на ветру, и торчали в разные стороны. Я, десятилетний Мишка, уже успел натянуть шорты и майку и теперь стоял посреди горницы, раздумывая, чем бы заняться. День обещал быть длинным и жарким, а значит, нужно было придумать что-то такое, что запомнилось бы надолго.

— Мишка, — сказала Катя сонным голосом, — а давай пойдём на чердак?

Я замер. На чердак нам бабушка строго-настрого запрещала ходить. Там было пыльно, темно, и, по её словам, «всякая рухлядь, которую лучше не трогать». Но именно это запретное слово — «рухлядь» — и разжигало любопытство. Что за рухлядь? Какие сокровища могут там прятаться? Старые сундуки, забытые игрушки, пожелтевшие фотографии, а может, что-то ещё более интересное?

— Бабушка не разрешает, — сказал я, но в голосе моём не было ни капли уверенности.

— А мы тихонечко, — прошептала Катя и хитро прищурилась. — Она же в огороде. Мы только посмотрим одним глазком и сразу назад. Она даже не заметит.

Соблазн был слишком велик. Я представил себе пыльный полумрак, запах старых вещей, тяжёлые балки под потолком и, конечно же, сундуки. Бабушка иногда рассказывала, что в её сундуках лежит «всё её приданое» — платья, вышитые полотенца, кружева, которые она сама плела в молодости. Но попасть туда нам никогда не удавалось: лестница на чердак была крутой и скрипучей, а бабушка, казалось, слышала каждый наш шаг.

— Ладно, — согласился я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. — Но если что, ты первая полезла.

Катя фыркнула, но спорить не стала. Она быстро натянула платье, сунула ноги в сандалии, и мы, стараясь не шуметь, выбрались из горницы в сени. Там было прохладно и пахло сушёными травами — бабушка развешивала под потолком пучки мяты, зверобоя и полыни. В углу стояли вёдра, коромысло, старый самовар, который давно уже не разжигали. А в дальнем конце сеней, за занавеской, скрывалась та самая лестница.

Я отодвинул занавеску. Лестница была деревянной, почерневшей от времени, с широкими ступенями и перилами, за которые лучше было держаться крепче. Она вела вверх, в темноту, и оттуда тянуло холодом и пылью. Я взглянул на Катю. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, и в них читался и страх, и восторг.

— Идём, — сказал я и первым ступил на ступеньку.

Лестница скрипнула так громко, что мы оба вздрогнули. Я замер, прислушался. Из огорода доносилось бабушкино пение — она напевала какую-то старую песню, не то «Ой, цветёт калина», не то что-то ещё, такое же протяжное и грустное. Значит, она нас не слышала. Я сделал ещё шаг, потом ещё один. Катя шла следом, держась за мою рубашку.

На чердаке было сумрачно. Свет проникал только через небольшое слуховое окошко, затянутое паутиной, и через щели в крыше. В этом тусклом свете кружились мириады пылинок, словно золотые искорки. Пахло старым деревом, мышами и чем-то ещё — сухим, тёплым, забытым. Под ногами лежал толстый слой пыли, и мы оставляли на нём чёткие следы.

Я огляделся. Чердак был завален всякой всячиной: сломанные стулья, корзины, какие-то тряпки, старые валенки, грабли без черенков, пустые банки, свёрнутые в рулоны половики. Всё это было покрыто серым налётом времени. Но в самом дальнем углу, под самым скатом крыши, я увидел его — большой кованый сундук, окованный железными полосами. Он был тёмно-коричневый, почти чёрный, и на крышке его красовался затейливый узор, вырезанный из металла.

— Вот он, — прошептала Катя и указала пальцем.

Мы подошли ближе. Сундук был огромный, мне по грудь, и тяжёлый — я попробовал приподнять крышку, но она не поддавалась. Замка не было, но что-то мешало ей открыться. Я нажал сильнее, потом ещё сильнее, и вдруг крышка с глухим скрипом откинулась, подняв облако пыли. Мы закашлялись, замахали руками.

Когда пыль немного осела, мы заглянули внутрь. Сундук был доверху набит всякими вещами. Сверху лежали вышитые полотенца — белые, с красными петухами и цветами по краям. Под ними — платья, тяжёлые, из плотной ткани, с длинными рукавами и высокими воротниками. Ещё ниже — какие-то шали, платки, кружева. Катя запустила руку в эту кучу и вытащила маленькое зеркальце в серебряной оправе. Оно было тусклым, но когда она протёрла его рукавом, в нём отразилось её удивлённое лицо.

— Смотри, какое красивое! — воскликнула она.

Я тем временем копался в сундуке дальше. Мне хотелось найти что-нибудь необычное, что-нибудь такое, чего мы никогда раньше не видели. И вдруг мои пальцы наткнулись на что-то мягкое, тёплое, словно живое. Я вздрогнул и отдернул руку. Потом осторожно разгрёб лежавшие сверху тряпки и увидел её.

Это была шапка. Самая обыкновенная, на первый взгляд, — серая, из грубой шерсти, с помпоном на макушке. Но было в ней что-то странное. Когда я взял её в руки, она показалась мне неожиданно лёгкой, почти невесомой, и тёплой, как будто её только что сняли с чьей-то головы. Я повертел её в руках. Внутри, на подкладке, были вышиты какие-то буквы, но они были такими старыми и потёртыми, что разобрать их было невозможно.

— Что это? — спросила Катя, подходя ближе.

— Не знаю, — честно ответил я. — Какая-то шапка.

— Надень, — сказала она.

Я усмехнулся. Ну и глупость! Зачем надевать старую шапку? Но что-то внутри меня, какой-то непонятный зуд любопытства, заставил меня всё-таки натянуть её на голову. Шапка оказалась мне как раз впору. Она плотно обхватила голову, и сразу стало как-то странно. Мир вокруг словно подёрнулся лёгкой дымкой, звуки стали глуше, а потом... потом я посмотрел на свои руки и не увидел их.

Я вскрикнул и отпрыгнул назад. Катя тоже вскрикнула, но по-другому — испуганно и восторженно одновременно.

— Мишка! Ты где?! — закричала она, озираясь по сторонам. — Ты куда делся?!

— Я здесь! — ответил я, но голос мой прозвучал как-то странно, словно из пустоты. — Я никуда не делся! Я стою перед тобой!

— Я тебя не вижу! — Катя завертелась на месте, пытаясь меня найти. — Ты что, спрятался?

Я снял шапку. И тут же увидел свои руки, свои ноги, весь себя целиком. Катя уставилась на меня, как на привидение.

— Ты... ты был невидимым! — прошептала она. — Это шапка-невидимка! Настоящая!

Я посмотрел на шапку в своих руках. Она была самой обыкновенной на вид — серая, с помпоном, с вышитыми буквами на подкладке. Но теперь я знал, что это не просто шапка. Это было настоящее чудо. Настоящая волшебная вещь, каких не бывает в жизни. И она была у нас.

— Дай мне! Дай мне! — Катя запрыгала вокруг меня, пытаясь выхватить шапку. — Я тоже хочу попробовать!

Я надел шапку на неё. Катя мгновенно исчезла. Я слышал её смех, слышал, как скрипят половицы под её ногами, но не видел ничего. Потом она сняла шапку и появилась снова, сияющая и счастливая.

— Это самое лучшее, что я видела в жизни! — воскликнула она. — Мы теперь можем делать всё, что захотим! Всё-всё! Нас никто не увидит!

Я кивнул, чувствуя, как внутри поднимается волна восторга. Мы стояли на пыльном чердаке, держа в руках шапку-невидимку, и перед нами открывались безграничные возможности. Мы могли пробраться в огород и стащить самые спелые огурцы. Могли подслушать, о чём говорят взрослые. Могли пугать кота, подкладывать сахар в соль, менять местами вещи, делать тысячи разных шалостей, и никто, никто в мире не смог бы нас остановить.

— Пошли вниз, — сказал я, и голос мой дрожал от возбуждения. — Только тихо. Бабушка не должна узнать.

Мы спустились по скрипучей лестнице, стараясь не шуметь. Сердце у меня колотилось где-то в горле. Я спрятал шапку за пазуху, и она казалась мне тёплой и живой, словно маленький зверёк. В сенях мы остановились, прислушались. Бабушка всё ещё пела в огороде. Значит, можно было начинать.

Первой нашей жертвой стал кот Барсик. Это был старый, толстый, ленивый кот, который целыми днями спал на печи или на подоконнике, греясь на солнце. Он был ворчливый и недоверчивый, и мы давно хотели ему отомстить за то, что он однажды поцарапал Катю, когда она пыталась его погладить.

Я надел шапку и стал невидимым. Катя осталась стоять в сенях и смотреть, как я, вернее, то место, где я только что был, растворяется в воздухе. Я осторожно подошёл к Барсику. Кот спал на подоконнике, свернувшись клубком, и во сне подёргивал усами. Я протянул руку и легонько дёрнул его за хвост.

Барсик подскочил как ужаленный. Он завертелся на месте, шипя и фыркая, пытаясь найти обидчика. Но никого не было. Он посмотрел налево, посмотрел направо, заглянул под подоконник, даже заглянул за печку. Никого. Кот мяукнул недоумённо и сел, насторожив уши. Я тем временем отошёл в сторону и снял шапку.

— Ты видел его лицо?! — Катя прыснула от смеха, зажимая рот рукой. — Он был такой смешной!

Я тоже засмеялся. Это было весело. Это было так весело, как никогда в жизни. Мы снова и снова надевали шапку по очереди и проделывали с бедным котом разные штуки: то дёргали за усы, то щекотали за ухом, то подкладывали под нос пушинку, от которой он чихал. Барсик в конце концов не выдержал, спрыгнул с подоконника и убежал на улицу, поджав хвост. Мы хохотали так, что чуть не упали.

Потом мы отправились на кухню. Там на столе стояли две банки: одна с сахаром, другая с солью. Они были одинаковые, и бабушка всегда путала их, если не подписывала. Но сегодня на банках были наклейки: «Сахар» и «Соль». Я посмотрел на Катю, и она посмотрела на меня. Мы поняли друг друга без слов.

Я взял банку с солью, Катя — с сахаром. Мы аккуратно пересыпали содержимое: сахар — в банку с надписью «Соль», соль — в банку с надписью «Сахар». Теперь бабушка, когда будет варить кашу или печь пирог, обязательно перепутает и положит в тесто соль вместо сахара. Мы представили себе её удивление и снова засмеялись.

— А давай ещё что-нибудь! — прошептала Катя, и глаза её заблестели. — Давай спрячем бабушкины очки!

Бабушкины очки лежали на комод в горнице. Это были старые очки в металлической оправе, которые бабушка надевала, когда читала или шила. Без них она почти ничего не видела. Мы взяли очки и спрятали их в печную заслонку — в самое укромное место, куда бабушка никогда бы не догадалась заглянуть. Потом мы сели на лавку и стали ждать.

Бабушка вернулась из огорода через час. Она вошла в дом, вытирая руки о передник, и сразу направилась к комоду. Она искала очки. Искала на комод, искала на столе, искала под подушкой, искала в карманах передника. Очков нигде не было.

— Внучата, — позвала она, — вы не видели мои очки?

— Нет, бабушка, — ответили мы хором, и голоса наши звучали так невинно, что даже нам самим стало стыдно.

Бабушка вздохнула и стала искать дальше. Она заглянула под кровать, в шкаф, в сундук с мукой, даже в печку. Когда она открыла заслонку, мы затаили дыхание. Но бабушка не увидела очков — они лежали в самом углу, заслонённые дровами. Она закрыла заслонку и села на табурет, растерянная и расстроенная.

— Ну куда же они могли подеваться? — пробормотала она. — Ведь только что были здесь...

Мне стало не по себе. Я смотрел на бабушку, на её огорчённое лицо, на её руки, которые беспомощно опустились на колени, и чувствовал, как что-то внутри меня сжимается. Это было нехорошее чувство. Я вспомнил, как бабушка читала нам сказки перед сном, как пекла пироги с яблоками, как лечила нас от простуды, когда мы простужались. И вот теперь она сидела на табурете, расстроенная, а мы — мы сидели на лавке и молчали, потому что знали, где очки, но не говорили.

Катя посмотрела на меня. В её глазах тоже было что-то нехорошее, какая-то тень. Она наклонилась ко мне и прошептала:

— Мишка, может, отдадим?

— Погоди, — прошептал я в ответ. — Ещё немножко.

Бабушка встала и пошла в сени, чтобы поискать там. Мы остались одни. Я смотрел на печную заслонку, за которой лежали очки, и думал: вот сейчас бабушка вернётся, и мы скажем ей, что пошутили, и отдадим очки. Но что-то мешало мне это сделать. Что-то внутри меня говорило: «Подожди. Ещё чуть-чуть. Ещё немножко. Ведь это так весело — быть невидимым и делать всё, что хочешь».

Бабушка вернулась из сеней ещё более расстроенная. Она села на табурет и закрыла лицо руками. Я никогда не видел её такой. Обычно бабушка была бодрая, весёлая, всегда что-то делала, всегда что-то говорила. А сейчас она сидела молча, и плечи её слегка вздрагивали. Мне показалось, что она плачет.

И тут я не выдержал. Я встал с лавки, подошёл к печке, открыл заслонку и достал очки. Бабушка подняла голову и посмотрела на меня. Глаза у неё были красные, но она не плакала — она просто смотрела на меня, и в этом взгляде было столько всего, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

— Вот, бабушка, — сказал я, протягивая очки. — Мы пошутили. Прости нас.

Катя тоже встала и подошла к бабушке. Она взяла её за руку и сказала:

— Прости нас, бабушка. Мы больше не будем.

Бабушка взяла очки, надела их и посмотрела на нас. Долго смотрела, внимательно, словно видела нас впервые. Потом вздохнула и покачала головой.

— Ох, внучата, внучата, — сказала она тихо. — Что же вы наделали? Я ведь испугалась. Думала, что совсем ослепла. А вы сидели и смотрели.

Нам стало так стыдно, что мы не знали, куда деваться. Я опустил голову и уставился на свои сандалии. Катя шмыгнула носом и прижалась к бабушке.

— Мы больше не будем, — повторила она.

— То-то же, — сказала бабушка, но голос её уже смягчился. Она погладила Катю по голове и посмотрела на меня. — А где вы вообще пропадали? Я вас искала, а вас нигде не было.

Мы переглянулись. Рассказывать про шапку-невидимку не хотелось. Это было наше сокровище, наша тайна. Но врать бабушке тоже было нехорошо. Я замялся, не зная, что сказать.

— Мы на чердаке были, — признался я наконец.

Бабушка удивлённо подняла брови.

— На чердаке? Я же запрещала туда ходить! Там пыльно, там мыши, там можно ногу сломать!

— Мы только посмотрели, — сказал я. — Ничего не трогали.

Это была почти правда. Мы действительно ничего не трогали. Мы только нашли шапку. Но про шапку я решил умолчать.

Бабушка покачала головой, но ругать нас не стала. Она встала, подошла к печке и заглянула в неё.

— Ну, раз уж вы нашли мои очки, — сказала она, — давайте пить чай. Я пирог испекла, с яблоками. Только вот незадача: у меня сахар и соль перепутались. Кто-то поменял наклейки.

Мы с Катей замерли. Бабушка посмотрела на нас, и в глазах её промелькнула хитрая искорка.

— Вы, случаем, не знаете, кто это сделал?

— Нет, бабушка, — сказали мы хором, но на этот раз голоса наши звучали неуверенно.

Бабушка вздохнула.

— Ну, значит, домовый. У нас на чердаке, говорят, домовый живёт. Это он, наверное, шутит.

Мы с Катей переглянулись и прыснули от смеха. Бабушка тоже улыбнулась и поставила на стол самовар.

— Ладно, — сказала она. — Домовой домовым, а чай пить надо. Только сначала вы мне расскажете, что вы на чердаке делали. Всё-всё, без утайки.

Мы сели за стол, и я вдруг понял, что больше не хочу ничего скрывать. Я вытащил из-за пазухи шапку и положил её на стол перед бабушкой. Бабушка посмотрела на неё и ахнула. Она взяла шапку в руки, повертела её, потом заглянула внутрь и прочитала вышитые буквы.

— Так вот она где, — прошептала бабушка. — Я её сто лет не видела. Думала, потерялась.

— Ты знаешь, что это? — спросил я.

— Конечно, знаю, — сказала бабушка и улыбнулась. — Это шапка-невидимка. Моя бабушка мне про неё рассказывала. Она досталась ей от её бабушки, а той — от её бабушки. Это очень старая шапка. И очень опасная.

— Опасная? — удивилась Катя. — Почему?

— Потому что невидимость не отменяет совести, — сказала бабушка. — Можно стать невидимым для чужих глаз, но нельзя стать невидимым для своей совести. Она-то всё видит. И если ты делаешь что-то плохое, даже если тебя никто не видит, совесть тебя всё равно уличит.

Я опустил голову. Я вспомнил, как дёргал кота за хвост, как менял наклейки на банках, как прятал очки. Мне было стыдно. Очень стыдно.

— Прости нас, бабушка, — сказал я ещё раз.

— Прости, — эхом отозвалась Катя.

Бабушка обняла нас обоих и прижала к себе.

— Бог простит, — сказала она. — И я прощаю. Но запомните этот урок. Шапка-невидимка — это не игрушка. Это испытание. Она проверяет, какой ты человек на самом деле. И если ты хороший человек, она поможет тебе сделать что-то доброе. А если плохой — она сделает тебе только хуже.

Мы сидели молча, прижавшись к бабушке, и слушали, как потрескивают дрова в печи, как поёт самовар, как за окном чирикают воробьи. Я чувствовал, как тепло бабушкиных рук согревает меня, и мне было хорошо и спокойно. И я понял, что бабушка права. Невидимость — это не главное. Главное — это то, что у тебя внутри. Это твоя совесть, твоя доброта, твоя честность. И если ты потеряешь это, никакая шапка-невидимка тебе не поможет.

Бабушка налила нам чай. Мы пили его с пирогом, и пирог был удивительно вкусным, хотя сахар и соль в нём были перепутаны. Бабушка смеялась и говорила, что это самый необычный пирог в её жизни. А мы с Катей смотрели друг на друга и улыбались. Мы знали, что этот день запомнится нам надолго. И не потому, что мы нашли шапку-невидимку, а потому, что мы поняли что-то важное. Что-то такое, что нельзя увидеть глазами, но можно почувствовать сердцем.

Вечером, когда солнце уже село за горизонт и в доме стало сумрачно, бабушка позвала нас на крыльцо. Мы сели рядом с ней, укрывшись большим тёплым платком, и стали смотреть на звёзды. Их было так много, что казалось, будто кто-то рассыпал по небу серебряные монетки. Бабушка рассказывала нам сказки — про Ивана-царевича, про Василису Прекрасную, про шапку-невидимку и про то, как важно быть честным даже тогда, когда тебя никто не видит.

— Бабушка, — спросила Катя, — а шапка-невидимка теперь наша?

— Пока вы будете хорошими, — ответила бабушка. — А если станете плохими, она исчезнет. Так всегда бывает с волшебными вещами. Они служат только тем, кто этого достоин.

Я посмотрел на шапку, которая лежала у меня на коленях. Она была тёплая и мягкая, и в темноте казалось, что она слегка светится. Я погладил её и улыбнулся. Я знал, что мы будем хорошими. Мы обязательно будем хорошими. Потому что мы поняли главное: невидимость не отменяет совести. И это было самое важное открытие в нашей жизни.

Ночью, когда мы лежали в постели и слушали, как за окном стрекочут кузнечики, Катя прошептала:

— Мишка, а ты знаешь, что я подумала?

— Что?

— Что эта шапка — не просто шапка. Это как... как экзамен. Понимаешь? Мы его сдали. Ну, почти.

Я улыбнулся в темноте.

— Почти, — согласился я. — Но в следующий раз мы обязательно сдадим его на пятёрку.

Катя засмеялась и повернулась на бок. Через минуту она уже спала. А я ещё долго лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. Я думал о бабушке, о её словах, о шапке-невидимке и о том, что ждёт нас впереди. Я чувствовал, что это только начало. Что впереди будет ещё много всего — и хорошего, и плохого. Но что бы ни случилось, я знал, что мы справимся. Потому что у нас есть бабушка. Потому что у нас есть совесть. Потому что мы поняли главное.

А шапка-невидимка лежала на стуле рядом с кроватью и тихонько мерцала в лунном свете, словно подмигивала нам. И в этом мерцании было что-то обещающее, что-то загадочное, что-то такое, от чего сердце билось быстрее и хотелось верить в чудеса. И мы верили. Потому что чудеса случаются. Особенно в деревне, у бабушки, летом, когда мир кажется таким большим и таким удивительным, а ты — маленьким и любопытным, и всё вокруг зовёт тебя в приключение.

Так закончился наш первый день с шапкой-невидимкой. И хотя мы ещё не знали, сколько всего нас ждёт впереди, мы уже чувствовали, что это лето будет необыкновенным. Это лето

изменит нас. Это лето научит нас чему-то важному. И мы были готовы. Мы были готовы к чудесам и к испытаниям. Мы были готовы к жизни.

А бабушка смотрела на нас из своей комнаты и улыбалась. Она знала больше, чем говорила. Она знала, что шапка-невидимка — это не просто волшебная вещь. Это ключ. Ключ к чему-то большему. Ключ к пониманию себя. И она была рада, что этот ключ попал именно к нам. Потому что она верила в нас. Она верила, что мы справимся. И мы справимся. Обязательно справимся.

Глава 2. Утро после чуда

На следующее утро я проснулся от того, что кто-то настойчиво тряс меня за плечо. Я открыл глаза и увидел Катю. Она стояла над моей кроватью, уже одетая, с заплетёнными косичками, и в глазах её светилось такое возбуждение, что я сразу понял: спать больше не придётся.

— Мишка, вставай! — зашептала она, хотя бабушка уже давно не спала и гремела посудой на кухне. — Ты чего спишь? Солнце уже высоко! Я всё утро ждала, когда ты проснёшься!

Я потянулся, зевнул и посмотрел на стул, где вчера лежала шапка. Она была на месте — серая, с помпоном, самая обыкновенная на вид. Но теперь я знал, что это не так. Я знал, что в этой шапке скрыта настоящая магия. И от этого знания по спине пробежал холодок — не страха, а какого-то особенного, щекочущего восторга.

— Ты чего так рано? — пробормотал я, выбираясь из-под одеяла. — Бабушка нас не хватится?

— Она в огород ушла, — отмахнулась Катя. — Я ей помогла воды натаскать, она меня и отпустила. Сказала: «Идите, играйте, только далеко не уходите и в колодец не заглядывайте».

Я усмехнулся. Бабушка всегда говорила нам не заглядывать в колодец, хотя мы и не собирались. Наверное, это была её привычка — предупреждать нас обо всём на свете, даже о том, чего мы и не думали делать.

Я быстро оделся — натянул шорты, майку, сунул ноги в сандалии. Потом подошёл к стулу и взял шапку в руки. Она была тёплая, словно её только что сняли с головы. Я повертел её, посмотрел на вышитые буквы внутри. Теперь, при дневном свете, они были видны чуть лучше, но всё равно оставались неразборчивыми. Какие-то завитушки, палочки, крестики — ничего понятного.

— Интересно, что там написано? — спросил я скорее себя, чем Катю.

— Может, имя? — предположила сестра. — Или заклинание?

— Может быть, — согласился я и надел шапку.

Мир мгновенно изменился. Я посмотрел вниз и не увидел своих ног. Посмотрел на руки — их тоже не было. Я стоял посреди комнаты, и единственное, что я чувствовал, — это лёгкое тепло на макушке, там, где шапка касалась головы. Всё остальное исчезло.

— Катя, ты меня видишь? — спросил я.

— Нет! — восхищённо ответила она. — Совсем-совсем не вижу! Только голос слышу!

Я подошёл к зеркалу, которое висело на стене в деревянной раме. В зеркале отражалась комната: кровать, стол, стул, занавески на окне. И никого больше. Я смотрел на своё отражение и не видел себя. Это было так странно, что я на секунду даже испугался. Но потом страх прошёл, и осталось только любопытство.

Я снял шапку и снова появился. Катя захлопала в ладоши.

— Дай мне! Дай мне! — запрыгала она.

Я надел шапку на неё. Катя исчезла. Я слышал, как она хихикает, как скрипят половицы под её ногами, но не видел ничего. Потом она подбежала ко мне и дёрнула за руку. Я вздрогнул от неожиданности.

— Это ты? — спросил я.

— Я! — ответила она откуда-то из пустоты. — Я тебя за руку дёрнула! Ты испугался?

— Ничего я не испугался, — проворчал я, хотя на самом деле испугался.

Катя сняла шапку и появилась снова, покрасневшая и счастливая.

— Мы теперь можем делать всё, что хотим, — сказала она. — Всё-всё! Никто нас не увидит!

Я кивнул, но в этот раз восторг был не таким безоблачным, как вчера. Слова бабушки всё ещё звучали у меня в голове: «Невидимость не отменяет совести». Я вспомнил, как стыдно

мне было, когда бабушка сидела на табурете и не могла найти очки. Вспомнил, как она расстроилась. И понял, что просто так шалить больше не хочется.

— Катя, — сказал я, — а давай мы будем делать только хорошее?

Катя посмотрела на меня с удивлением.

— Хорошее? А как это?

— Ну, не знаю, — замялся я. — Помогать кому-нибудь. Или... или узнавать что-то важное, но не подглядывать, а... не знаю.

Катя задумалась. Она была ещё маленькая, ей хотелось веселиться и шалить, но она тоже помнила вчерашний вечер. Помнила, как бабушка расстроилась, как она плакала, как нам было стыдно. И это воспоминание было сильнее желания пошалить.

— Ладно, — согласилась она. — Давай делать хорошее. А что мы будем делать?

Я выглянул в окно. Утро было ясное, солнечное, и деревня уже проснулась. По улице шли люди — кто с ведром, кто с корзиной, кто просто так. У колодца стояла тётя Нюра, соседка бабушки, и разговаривала с кем-то. У ворот дома напротив возился дядя Ваня, чинил забор. А чуть дальше, за поворотом, виднелся дом деда Матвея — старого, совсем древнего старика, который жил один, потому что все его родные давно разъехались по городам.

— А давай поможем деду Матвею, — предложил я. — Бабушка говорила, что он совсем плохой стал. Еле ходит, дрова сам не может колоть, воду не может носить.

Катя просияла.

— Давай! А как мы поможем, если нас не видно?

Я задумался. Это был хороший вопрос. Если мы наденем шапку, нас не будет видно, и дед Матвей испугается, если у него сами собой начнут колотиться дрова или носить воду. Нужно было придумать что-то другое.

— А давай сделаем так, — сказал я. — Мы будем по очереди. Один надевает шапку и делает что-то невидимо, а второй стоит рядом и говорит, что это он помогает. Ну, вроде как мы вдвоём.

Катя наморщила лоб, обдумывая мой план.

— А зачем?

— Чтобы дед Матвей не испугался, — объяснил я. — Он же не знает про шапку. Если он увидит, что дрова сами колются, он подумает, что это нечистая сила. А если мы скажем, что это мы помогаем, он обрадуется.

Катя кивнула.

— А-а-а, понятно. Только он же нас не позвал. Мы просто придём и скажем: «Дедушка, мы пришли вам помочь»?

— Ну да.

— А если он не разрешит?

— Тогда мы всё равно поможем. Только невидимо. А потом скажем, что это мы. Он удивится, но обрадуется.

Катя засмеялась.

— Хитро! Давай так и сделаем.

Мы вышли из дома. Бабушкин двор был залит солнцем. Куры копошились в пыли, петух важно расхаживал по забору, кот Барсик спал на крыльце, свернувшись клубком. Вчерашний испуг, кажется, прошёл, и теперь он снова был важным и невозмутимым.

— Барсик, — сказала Катя, — ты не сердись на нас, ладно? Мы больше не будем тебя дёргать.

Барсик приоткрыл один глаз, посмотрел на неё и снова закрыл. Кажется, он не сердился. Или просто был слишком ленив, чтобы сердиться.

Мы пошли по улице. Деревня наша была небольшая — домов двадцать, не больше. Утопала в зелени, в яблоневых и вишнёвых садах, которые росли почти у каждого двора. По улице

важно ходили гуси, щипали траву. Где-то мычала корова, где-то лаяла собака. Пахло тёплой пылью, свежей травой и чем-то ещё — сладким, медовым. Наверное, это цвели липы, которые росли у околицы.

Дом деда Матвея стоял на самом краю деревни, почти у леса. Он был старый, покосившийся, с покосившимся забором и покосившимися воротами. Казалось, что он вот-вот развалится. Но дед Матвей жил в нём уже лет семьдесят, и дом держался, словно был заколдованный.

Мы подошли к калитке. Я толкнул её, и она со скрипом отворилась. Во дворе было тихо. Куры не бегали, собака не лаяла. Только где-то в глубине дома, за закрытой дверью, слышались какие-то шорохи и покашливание.

Мы подошли к крыльцу. Я постучал. Из-за двери послышался старческий голос:

— Кто там?

— Это мы, дедушка Матвей! — крикнул я. — Мишка и Катя, бабушкины внуки!

Дверь открылась, и на пороге появился дед Матвей. Он был очень старый, с белой, как молоко, бородой, с морщинистым лицом, на котором выделялись добрые, но уже подслеповатые глаза. Он был худой, сгорбленный, и опирался на палку. На нём была надета старая, залатанная рубаха и такие же старые штаны. Ноги у него были обуты в валенки, хотя на улице было лето. Наверное, ему было холодно — старые люди всегда мёрзнут.

— А, внучата, — сказал он, улыбнувшись. — Заходите, заходите. Что вы тут делаете?

— Мы пришли вам помочь, — сказал я.

Дед Матвей удивился.

— Помочь? Мне? А что мне помогать? Я и сам справляюсь.

— Как же справляетесь, дедушка? — сказала Катя. — У вас дрова не колоты, воды нет. Мы видели.

Дед Матвей вздохнул.

— Есть немного. Да только куда мне колоть? Силы уже не те. Вот, сижу целыми днями, вспоминаю молодость. А вы... вы хорошие дети. Но не надо вам возиться со мной. Идите, играйте.

— Нет, дедушка, — твёрдо сказал я. — Мы всё равно поможем. Мы и дров наколем, и воды принесём. Правда, Катя?

Катя кивнула.

Дед Матвей посмотрел на нас, и в глазах у него блеснули слёзы. Он вытер их рукавом и сказал:

— Ну, коли так... Спасибо вам, родные. Только вы уж не надорвитесь. Дрова-то вон, в сарае. А колодец на улице, за углом.

Мы с Катей переглянулись. План был такой: я надеваю шапку и колю дрова невидимо, а Катя стоит рядом и делает вид, что помогает. Потом наоборот: Катя надевает шапку и носит воду, а я делаю вид, что помогаю. Дед Матвей не должен был ничего заподозрить.

Я зашёл в сарай. Там лежали поленья, стояла колода, а в углу торчал топор. Я взял топор, надел шапку и стал колоть дрова. Топор взлетал и опускался, поленья разлетались на части, но со стороны это выглядело так, будто ничего не происходит. Катя стояла рядом и делала вид, что она тоже что-то делает — нагибалась, поднимала поленья, складывала их в кучу. Дед Матвей стоял в дверях и смотрел на неё.

— Хорошо работаешь, — сказал он. — И сестра твоя где-то. Не видно её.

— Она там, за сараем, — ответила Катя, чуть не рассмеявшись. — Поленья складывает.

Я колот дрова и слушал их разговор. Мне было весело и немного странно. Я делал что-то полезное, но невидимо. Это было не как вчера, когда мы шалили. Это было... приятно. Я чувствовал, что делаю хорошее дело, и от этого на душе становилось тепло.

Когда дрова были наколоты, я снял шапку и вышел из сарая. Дед Матвей посмотрел на меня и сказал:

— А ты где был?

— Я... я тоже помогал, — сказал я. — Воду носил.

— Воду? — дед Матвей удивился. — А я не видел.

— Она в бочке, — сказал я. — Полная.

Дед Матвей подошёл к бочке и заглянул в неё. Бочка была полна воды до краёв. Он покачал головой.

— Вот чудеса, — пробормотал он. — И не видел, как вы принесли. Быстро вы.

Мы с Катей переглянулись и улыбнулись. Это было наше первое невидимое доброе дело. И оно было гораздо приятнее, чем все вчерашние шалости вместе взятые.

Дед Матвей пригласил нас в дом. Внутри было бедно, но чисто. На столе стоял самовар, правда, давно не топлённый. На стенах висели старые фотографии в рамках. Я подошёл поближе и стал рассматривать. На одной фотографии был молодой дед Матвей — высокий, сильный, с чёрными, как смоль, волосами. Рядом с ним стояла молодая женщина — красивая, с длинной косой. А на руках у неё был маленький ребёнок.

— Это ваша жена? — спросил я.

Дед Матвей подошёл и посмотрел на фотографию. Глаза у него снова заблестели.

— Жена, — сказал он тихо. — Марья моя. Умерла пять лет назад. А это сын наш, Николай. Он в городе живёт, редко приезжает. Всё некогда ему.

Он помолчал, потом добавил:

— Тяжело одному-то. Дом большой, а делать нечего. Только и радости, что с курами поговоришь. Да с котом. У меня кот есть, Васька. Только он сейчас где-то пропадает, мышей ловит.

Катя прижалась к деду Матвею и сказала:

— Дедушка, а мы к вам будем приходить. Часто-часто. Правда, Мишка?

— Правда, — согласился я. — Мы и дров вам наколем, и воды принесём, и вообще... всё, что надо.

Дед Матвей улыбнулся и погладил Катю по голове.

— Спасибо, родные. Спасибо. Только вы это... не говорите никому, что мне помогаете. А то бабка ваша узнает, скажет, что я вас эксплуатирую.

Мы засмеялись.

— Не скажем, — пообещал я.

Мы просидели у деда Матвея ещё с полчаса. Он рассказывал нам про войну, про то, как он воевал, как был ранен, как вернулся домой и построил этот дом. Рассказывал про свою Марью, про то, как они поженились, как растили сына. Мы слушали, затаив дыхание. Это было интереснее любой сказки.

Потом мы попрощались и пошли домой. Солнце уже поднялось высоко и припекало. По дороге Катя сказала:

— Мишка, а ведь это здорово — помогать.

— Да, — согласился я. — Здорово.

— А давай ещё кому-нибудь поможем? Только не сегодня. Завтра.

— Давай, — сказал я. — Только невидимо. Чтобы никто не знал.

— А почему невидимо?

— Потому что если мы будем помогать невидимо, то это... как бы... от чистого сердца. Не для того, чтобы нас хвалили. А просто так.

Катя задумалась.

— А разве можно делать добро просто так?

— Можно, — сказал я. — И это самое лучшее добро. Когда никто не видит, а ты всё равно делаешь.

Катя кивнула. Кажется, она поняла.

Дома нас ждала бабушка. Она стояла на крыльце, уперев руки в бока, и смотрела на нас с хитрой улыбкой.

— Где вы были? — спросила она.

— Гуляли, — ответил я.

— Гуляли? — бабушка прищурилась. — А почему у вас руки в земле? И почему от вас пахнет дымом?

Я посмотрел на свои руки. Они действительно были в земле. И пахло от меня дымом — наверное, от сарая деда Матвея. Я не знал, что сказать.

— Мы... мы у деда Матвея были, — признался я. — Помогали ему.

Бабушка удивлённо подняла брови.

— У деда Матвея? Помогали? А что вы там делали?

— Дрова кололи, — сказала Катя. — Воду носили.

Бабушка посмотрела на нас внимательно. Потом улыбнулась и покачала головой.

— Ну, надо же. Внуки мои. Помощники. А я-то думала, вы на чердаке опять сидите, шапку свою ищете.

Мы с Катей переглянулись и покраснели. Бабушка засмеялась.

— Ладно, не смущайтесь. Я всё знаю. Шапка-то у вас. Я её видела утром на стуле. И знаю, что вы её надевали. И знаю, что вы помогали деду Матвею. Невидимо, да?

Мы молчали, опустив головы. Бабушка подошла к нам и обняла нас обоих.

— Хорошие вы у меня, — сказала она. — Правда, хорошие. Я горжусь вами.

От этих слов у меня внутри что-то дрогнуло. Я почувствовал, как к горлу подкатывает комок. Бабушка гордилась нами. Это было лучше любой похвалы. Лучше любых конфет и пряников. Лучше всего на свете.

— Бабушка, — сказал я, — а можно мы и дальше будем помогать? Только невидимо?

— Можно, — сказала бабушка. — Только помните: невидимость — это не для того, чтобы прятаться от людей. Это для того, чтобы делать добро, не хвастаясь. Понимаете?

— Понимаем, — сказали мы хором.

Бабушка улыбнулась и повела нас в дом. На столе уже стоял обед: щи, картошка, свежие огурцы с огорода и молоко. Мы ели, и нам было вкусно, как никогда. Может быть, потому что мы проголодались. А может быть, потому что сделали что-то хорошее.

После обеда мы пошли в сад. Там росли яблони, вишни, смородина. Трава была высокая, мягкая, и мы лежали на ней, глядя в небо. По небу плыли облака — белые, пушистые, похожие на барашков. Я смотрел на них и думал о том, что сегодняшний день был необыкновенным. Мы сделали доброе дело, и никто об этом не знал. Кроме нас и бабушки. И от этого было так хорошо, что хотелось улыбаться.

— Мишка, — сказала Катя, — а ты знаешь, что я думаю?

— Что?

— Я думаю, что шапка-невидимка — это не просто шапка. Это... это как учитель. Она учит нас быть хорошими.

Я удивился. Катя была младше меня, но иногда говорила такие вещи, что я только диву давался.

— Может, и так, — согласился я. — Только учитель — это бабушка. А шапка — это... это просто шапка. Волшебная, но шапка.

— Нет, — покачала головой Катя. — Бабушка — это бабушка. Она нас любит и учит. А шапка... она нас проверяет. Помнишь, как она сказала: «Невидимость не отменяет совести». Вот. Шапка проверяет, есть ли у нас совесть.

Я задумался над её словами. А ведь она была права. Шапка действительно нас проверяла. Вчера, когда мы шалили, она показала, что мы можем быть плохими. А сегодня, когда мы

помогали деду Матвею, она показала, что мы можем быть хорошими. И это был наш выбор. Мы сами решили, что делать. Шапка только давала нам возможность.

— Ты права, — сказал я. — Шапка — это проверка. И мы её прошли. Ну, почти.

— Почему почти? — обиделась Катя. — Мы хорошо помогли! Дед Матвей нас поблагодарил!

— Помогли, — согласился я. — Но это только начало. Впереди ещё много всего. Мы ещё не раз будем надевать шапку. И не раз будем решать, что делать. Так что рано говорить, что мы прошли проверку. Мы её проходим. Каждый день.

Катя вздохнула и перевернулась на живот.

— Ладно, — сказала она. — Пусть будет так. Всё равно это здорово — иметь шапку-невидимку.

— Здорово, — согласился я.

Мы лежали в траве, жевали травинки, смотрели на облака, и нам было хорошо и спокойно. Впереди было целое лето — длинное, жаркое, полное приключений. И мы знали, что это лето будет необыкновенным. Потому что у нас была шапка-невидимка. И потому что мы поняли главное: невидимость не отменяет совести. А значит, что бы мы ни делали, мы всегда должны помнить о том, что хорошо, а что плохо. И выбирать хорошее.

Вечером, когда мы уже ложились спать, Катя вдруг сказала:

— Мишка, а давай завтра поможем тёте Нюре. У неё корова отелилась, а она одна, ей тяжело.

— Давай, — согласился я.

— А потом дяде Ване. У него забор сломался.

— Давай.

— А потом...

— Катя, — остановил я её. — Давай не будем загадывать. Завтра будет завтра. А сейчас давай спать.

Катя вздохнула, повернулась на бок и через минуту уже сопела. А я ещё долго лежал с открытыми глазами и думал. Я думал о деду Матвее, о его жене Марье, о его сыне Николае, который жил в городе и не приезжал. Я думал о бабушке, о её словах, о её любви. Я думал о шапке-невидимке, которая лежала на стуле и тихонько мерцала в лунном свете. И я думал о себе. О том, какой я человек. Хороший или плохой. И я понял, что не бывает людей только хороших или только плохих. Бывают поступки. И мы сами выбираем, какие поступки совершать. Шапка помогла нам это понять. И за это я был ей благодарен.

Я закрыл глаза и представил, как завтра мы снова наденем шапку и сделаем что-то хорошее. Что-то такое, что сделает мир чуточку лучше. Пусть даже самую малость. Ведь из маленьких добрых дел складывается большое добро. Я улыбнулся в темноте и заснул.

А наутро нас ждало новое приключение. Новое испытание. Новая проверка. Но об этом — в следующей главе. Проснулся я от того, что солнечный луч, пробившись сквозь занавеску, упал мне прямо на лицо. Я зажмурился, перевернулся на другой бок, но сон уже ушёл. В доме было тихо. Катя ещё спала, свернувшись калачиком под одеялом, и посапывала так безмятежно, что будить её не хотелось. Я полежал немного, глядя в потолок, на котором играли солнечные зайчики, и вдруг вспомнил вчерашний день. Дед Матвей, его добрые глаза, его дрожащие руки, его рассказ про жену Марью. И то чувство, которое я испытал, когда мы уходили от него, — чувство, что мы сделали что-то важное, что-то настоящее.

Я встал, стараясь не шуметь, натянул шорты и вышел в горницу. Бабушки не было — она, наверное, уже хлопотала по хозяйству. На столе лежала записка, придавленная всё тем же чугунным утюгом: «Внучата, я на речку. Полощу бельё. Каша в печи, не забудьте поесть. Скоро вернусь. Бабушка». Рядом с запиской стояла крынка молока, накрытая чистым полотенцем, и лежала горка свежих лепёшек — бабушка пекла их рано утром, пока мы спали.

Я позавтракал, поглядывая в окно. День обещал быть жарким. Небо было чистое, без единого облачка, и над крышами домов дрожал прозрачный воздух. В такую погоду хорошо было бы пойти на речку, искупаться, полежать на песке. Но у нас были другие планы. Точнее, у Кати были планы — помочь тёте Нюре, у которой отелилась корова, а потом дяде Ване, у которого сломался забор. Я улыбнулся, вспомнив вчерашний вечер. Катя так воодушевилась, что готова была помогать всей деревне сразу.

Вскоре проснулась и Катя. Она вышла в горницу, потягиваясь и протирая глаза, и сразу спросила:

— Мишка, а мы сегодня пойдём помогать?

— Пойдём, — ответил я. — Только сначала поешь.

Катя села за стол, налила себе молока, взяла лепёшку. Ела она быстро, поглядывая на меня, и в глазах её светилось то же возбуждение, что и вчера. Ей не терпелось начать. Мне тоже, честно говоря, не терпелось. Вчерашний опыт показал, что помогать — это здорово. Это гораздо интереснее, чем просто шалить. И потом, было что-то особенное в том, чтобы делать добро невидимо. В этом была какая-то тайна, какое-то волшебство, которое грело душу.

— Ну что, — сказал я, когда Катя доела, — пойдём к тёте Нюре?

— Пойдём! — Катя вскочила из-за стола и побежала одеваться.

Я взял шапку-невидимку. Она лежала на стуле, там же, где я оставил её вчера. Я взял её в руки и почувствовал знакомое тепло. Шапка была тёплая, как живая. Я погладил её и сунул за пазуху. Сегодня она нам понадобится.

Тётя Нюра жила через два дома от нас. Это была немолодая женщина, вдова, которая держала хозяйство одна — корову, коз, кур, уток. Муж её умер несколько лет назад, а дети разъехались кто куда. Она была женщина суровая, неразговорчивая, но бабушка говорила, что сердце у неё доброе, просто жизнь её потрепала.

Мы подошли к её дому. Калитка была открыта, и мы вошли во двор. Тётя Нюра стояла у коровника и разговаривала с кем-то — кажется, с ветеринаром. Я прислушался.

— Да, всё хорошо, — говорил ветеринар, молодой парень в белом халате. — Тёлка здоровая, крепкая. Молоко будет хорошее. Только следите, чтобы она не простудилась. И кормите получше.

— Спасибо, милоч, — сказала тётя Нюра. — Спасибо, что пришёл. Я уж думала, придётся мне самой телиться помогать.

Ветеринар засмеялся, попрощался и ушёл. Тётя Нюра осталась одна. Она стояла, глядя на телёнка — маленького, рыжего, с белым пятном на лбу, — и на лице её было такое выражение, что мне стало её жалко. Она была усталая, измученная, и было видно, что ей тяжело. Я понял, что Катя была права. Тёте Нюре нужна была помощь.

— Катя, — прошептал я, — давай сначала посмотрим, что тут можно сделать.

Мы обошли двор. Воды в бочке было мало — на доньшке. Дров под навесом тоже почти не осталось. А в огороде грядки стояли неполютые — сорняки вымахали выше моркови. Тётя Нюра, видимо, совсем замоталась с коровой и забросила все остальные дела.

— Я принесу воды, — сказала Катя. — А ты наколи дров.

— Хорошо, — согласился я. — Только сначала мы должны сказать ей, что мы помогаем. Иначе она испугается.

Мы подошли к тёте Нюре. Она всё ещё стояла у коровника, глядя на телёнка.

— Здравствуйте, тётя Нюра, — сказал я.

Она обернулась. Увидев нас, она удивилась.

— А, это вы, бабушкины внуки. Чего пришли?

— Мы пришли вам помочь, — сказала Катя. — У вас воды нет, дров нет, грядки не полоты. Мы всё сделаем.

Тётя Нюра посмотрела на неё, потом на меня. В глазах её промелькнуло что-то — не то удивление, не то недоверие.

— Помочь? — переспросила она. — А бабушка ваша знает?

— Знает, — соврал я. — Она сказала, чтобы мы помогли.

На самом деле бабушка ничего такого не говорила. Но я знал, что она не рассердится. Наоборот, обрадуется. Она всегда говорила, что нужно помогать людям, особенно тем, кому трудно.

Тётя Нюра покачала головой.

— Не надо, — сказала она. — Я сама справлюсь. Идите, играйте.

— Тётя Нюра, — твёрдо сказала Катя, — мы всё равно поможем. Вы не смотрите, что мы маленькие. Мы сильные. И мы быстро.

Тётя Нюра посмотрела на неё долгим взглядом. Потом вздохнула и махнула рукой.

— Ладно, — сказала она. — Черт с вами. Только не надорвитесь. Вода в колодце, за углом. Дрова в сарае. А грядки... грядки не трогайте. Я сама.

— Хорошо, — сказал я. — Мы только воду и дрова.

Мы с Катей отошли в сторону. Я надел шапку и стал невидимым. Катя осталась стоять, делая вид, что она сама сейчас пойдёт за водой.

— Я пойду за водой, — громко сказала она, чтобы тётя Нюра слышала. — А Мишка... Мишка дрова колет.

Тётя Нюра выглянула из коровника, посмотрела на неё, потом на сарай, из которого уже доносился стук топора. Она покачала головой, но ничего не сказала. Наверное, подумала, что мы просто шустрые.

Я колот дрова. Топор был тяжёлый, но я уже привык к нему вчера. Поленья разлетались, как ореховая скорлупа. Я работал и слушал, как Катя ходит за водой. Она набирала ведро в колодце, потом несла его через двор и выливала в бочку. Ведро было тяжёлое, и Катя пыхтела, но не сдавалась. Я слышал, как она шепчет: «Раз, два, взяли!» — и улыбался.

Когда дрова были наколоты, я снял шапку и вышел из сарая. Катя как раз выливала последнее ведро в бочку. Она была красная, вспотевшая, но счастливая.

— Всё, — сказала она. — Бочка полная.

Тётя Нюра вышла из коровника и посмотрела на бочку. Потом на кучу дров. Потом на нас. Она долго молчала, и я уже начал бояться, что она что-то заподозрила. Но она сказала только:

— Спасибо, — и голос у неё дрогнул. — Спасибо, родные. Вы... вы хорошие дети.

Она отвернулась и быстро ушла в дом. Мы слышали, как хлопнула дверь. Катя посмотрела на меня и прошептала:

— Она плачет?

— Кажется, да, — ответил я.

Нам стало не по себе. Мы не хотели, чтобы она плакала. Мы хотели, чтобы она обрадовалась. Но, наверное, это были хорошие слёзы. Слёзы благодарности. Я вспомнил, как бабушка говорила, что доброта — это самое сильное, что есть на свете. Она может растопить даже самое холодное сердце. И сейчас я понял, что это правда.

Мы пошли дальше. Следующим на очереди был дядя Ваня, у которого сломался забор. Дядя Ваня жил в большом доме с красной крышей. Он был человек весёлый, шумный, всегда что-то делал — то строил, то чинил, то копал. У него были жена тётя Люда и трое детей — два мальчика и девочка, все младше нас. Дети вечно бегали по двору, кричали, играли, и в их доме всегда было шумно и весело.

У дяди Вани действительно был сломан забор. Точнее, не весь забор, а несколько досок — они отвалились и лежали на земле. Наверное, их выбило ветром или кто-то случайно задел.

Дядя Ваня собирался их прибить, но всё время что-то мешало — то работа, то дети, то просто лень. Так доски и лежали.

Мы подошли к калитке. Дядя Ваня сидел на крыльце и читал газету. Увидев нас, он отложил газету и улыбнулся.

— О, соседи! — сказал он. — Какими судьбами?

— Мы пришли помочь вам с забором, — сказал я.

Дядя Ваня удивился.

— С забором? А что с ним?

— У вас доски отвалились, — сказала Катя. — Мы их прибьём.

Дядя Ваня засмеялся. Он смеялся громко, раскатисто, так что даже дети выбежали из дома посмотреть, что случилось.

— Ну, вы даёте, — сказал он, отсмеявшись. — А молоток у вас есть? А гвозди?

— Найдём, — уверенно сказала Катя.

Дядя Ваня посмотрел на нас, потом на жену, которая вышла на крыльцо. Тётя Люда улыбнулась и сказала:

— Пусть попробуют. Может, и вправду помогут.

— Ладно, — махнул рукой дядя Ваня. — Молоток в сарае, гвозди там же, в банке. Только вы это... не ударьтесь. И пальцы не отбейте.

Мы пошли к сараю. Я надел шапку и стал невидимым. Катя осталась стоять у забора и делать вид, что она держит доски.

— Я держу, — громко сказала она. — А Мишка прибивает.

На самом деле прибивал я. Я взял молоток и гвозди, приложил доску к столбу и стал забивать. Молоток стучал, гвозди входили в дерево, доска вставала на место. Со стороны это выглядело так, будто доска сама собой прибивается к забору. Но Катя стояла рядом, и все думали, что это она.

Дети дяди Вани — Петька, Витька и маленькая Наташа — выбежали во двор и смотрели на нас широко раскрытыми глазами.

— Как это она делает? — спросил Петька, старший.

— Она волшебница, — сказал Витька.

— Нет, она просто сильная, — возразила Наташа.

Катя улыбалась и молчала. Ей было приятно, что её считают волшебницей. Хотя на самом деле волшебником был я. Но это было неважно. Главное — забор был починен.

Я прибил последнюю доску и снял шапку. Вышел из-за сарая и сказал:

— Всё готово.

Дядя Ваня вышел на крыльцо и посмотрел на забор. Он подошёл поближе, потрогал доски рукой. Они были прибиты крепко, на совесть.

— Ну, ничего себе, — сказал он. — Вот это работа. А я всё собирался, собирался... Спасибо вам, ребята. Вы меня прямо выручили.

— Мы всегда рады помочь, — сказала Катя.

Тётя Люда принесла нам по стакану компота и по куску пирога. Компот был холодный, из погреба, а пирог — тёплый, с вишней. Мы ели и слушали, как дядя Ваня рассказывает про свою работу — он работал на лесопилке, пилил доски, и у него была самая тяжёлая пила во всей округе. Он рассказывал так смешно, что мы хохотали до слёз.

Потом мы пошли домой. Солнце уже клонилось к западу, и тени стали длинными. По дороге Катя сказала:

— Мишка, а знаешь, что я поняла?

— Что?

— Что помогать — это как... как собирать грибы. Идёшь по лесу, ищешь, находишь один, потом другой, потом третий. И корзинка наполняется. И от этого становится радостно.

Я засмеялся.

— Ты сравнила добрые дела с грибами?

— А что? Похоже же. Только вместо грибов — хорошие поступки. И они не портятся. Их можно собирать сколько хочешь.

Я подумал и согласился. Катя была права. Добрые дела — как грибы. Их можно собирать бесконечно, и они никогда не закончатся. Главное — не лениться и не проходить мимо.

Дома нас ждала бабушка. Она сидела на крыльце и чинила какую-то одежду. Увидев нас, она отложила шитьё и улыбнулась.

— Ну что, помощники, — сказала она. — Где были?

— У тёти Нюры, — сказал я. — Потом у дяди Вани.

— И что делали?

— Воду носили, дрова кололи, забор чинили.

Бабушка покачала головой.

— Вот это да. За один день столько дел. Вы у меня прямо герои.

— Бабушка, — сказала Катя, — а это правда, что добрые дела — как грибы?

Бабушка задумалась.

— Ну, — сказала она, — наверное, правда. Только грибы можно собирать в корзинку, а добрые дела — в сердце. И чем больше их соберёшь, тем светлее у тебя на душе.

Катя кивнула, довольная. Она подошла к бабушке и обняла её.

— Бабушка, а мы завтра опять пойдём помогать?

— Сходите, — сказала бабушка. — Только не забывайте: помогать нужно не для того, чтобы вас хвалили. А для того, чтобы людям было хорошо.

— Мы помним, — сказал я. — Невидимость не отменяет совести.

Бабушка улыбнулась и погладила меня по голове.

— Умные вы у меня. Растёте хорошими людьми. А это самое главное.

Вечером мы сидели на крыльце и смотрели, как садится солнце. Небо было розовое, потом оранжевое, потом фиолетовое, и на нём зажглись первые звёзды. Пахло скошенной травой, мятой и дымом от печки. Где-то далеко играла гармонь, и кто-то пел грустную песню. Бабушка сидела рядом с нами и вязала носок. Спицы тихонько постукивали, и от этого звука становилось спокойно и тепло.

Я смотрел на звёзды и думал о том, что сегодняшний день был особенным. Мы помогли двум людям. Тёте Нюре, которая осталась одна с коровой и телёнком. И дяде Ване, у которого сломался забор. Мы сделали это невидимо, и никто не знал, что это мы. Но мы знали. И бабушка знала. И этого было достаточно.

Я вспомнил слова Кати про грибы. Добрые дела — как грибы. Их можно собирать бесконечно. И каждая хорошая вещь, которую ты делаешь, делает мир чуточку лучше. Пусть даже самую малость. Но если каждый будет делать хотя бы одно доброе дело в день, мир станет совсем другим. Я представил себе этот мир — мир, в котором все помогают друг другу, в котором никто не проходит мимо чужой беды, в котором доброта — это не что-то особенное, а обычное, повседневное. И мне захотелось, чтобы этот мир стал реальностью. Хотя бы в нашей деревне. Хотя бы в нашей семье.

— Бабушка, — сказал я, — а можно я тебе что-то скажу?

— Скажи, — отозвалась она.

— Я хочу быть хорошим человеком. Не просто так, а по-настоящему. Чтобы делать добро не для того, чтобы меня хвалили, а потому что это правильно. Чтобы помогать людям, даже если никто не видит. Чтобы у меня была совесть. Настоящая.

Бабушка отложила вязание и посмотрела на меня. В её глазах было что-то такое, от чего у меня защемило сердце. Она обняла меня и прижала к себе.

— Ты уже хороший человек, — сказала она тихо. — Ты просто ещё не знаешь об этом. Но я знаю. И Катя знает. И дед Матвей знает. И тётя Нюра. И дядя Ваня. Все знают. Потому что доброта — она как солнце. Её не спрячешь. Она светит для всех.

Я прижался к бабушке и закрыл глаза. Мне было хорошо. Спокойно. И я знал, что завтра мы снова наденем шапку-невидимку и снова пойдём делать добрые дела. И это будет не потому, что мы должны. А потому, что мы хотим. Потому что это стало частью нас. Частью нашей жизни. Частью нашего лета.

А шапка-невидимка лежала в доме, на стуле, и тихонько мерцала в темноте. Она ждала нас. Ждала нового дня. Новых приключений. Новых добрых дел. И мы были готовы. Мы были готовы к завтрашнему дню. И ко всем дням, которые будут после. Потому что мы поняли главное: невидимость не отменяет совести. И это было самое важное открытие в нашей жизни.

Так закончился второй день нашего лета с шапкой-невидимкой. День, который научил нас тому, что доброта — это не слабость, а сила. Что помогать — это счастье. И что самое главное — это не то, что ты делаешь, а то, зачем ты это делаешь.

Глава 3. Ночной гость

Прошло несколько дней. Дни стояли жаркие, солнечные, наполненные стрекотом кузнечиков, пением птиц и запахом цветущей липы. Мы с Катей каждый день надевали шапку-невидимку и отправлялись помогать кому-нибудь в деревне. Мы наносили воды тётке Нюре, пололи грядки бабе Поле, чинили крыльцо деду Матвею, собирали яблоки в саду у дяди Вани. Деревня была небольшая, и в ней всегда находилось дело для двух невидимых помощников.

Но чем больше мы помогали, тем чаще я задумывался о том, что невидимость — это не только возможность делать добро. Это ещё и возможность видеть то, что скрыто от чужих глаз. Мы слышали разговоры, которые не предназначались для наших ушей. Видели сцены, которые люди предпочли бы скрыть. И это было... странно. Я не знал, что с этим делать. Иногда мне казалось, что мы подглядываем, и от этого становилось не по себе. Но иногда это помогало понять что-то важное. Что-то такое, что иначе осталось бы тайной.

В то утро мы проснулись поздно. Бабушка уже ушла на базар — продавать творог и сметану, которые она делала сама. На столе нас ждал завтрак: оладьи с мёдом, крынка молока и записка: «Внучата, я вернусь к обеду. Не балуйтесь. Бабушка».

Мы позавтракали и вышли на крыльцо. Солнце уже припекало, и воздух дрожал от зноя. Барсик лежал в тени под кустом сирени, раскинув лапы, и даже не шевелился. Куры забрались под навес и сидели там, приоткрыв клювы. Было так тихо, что слышно было, как где-то далеко, на другом конце деревни, лает собака.

— Мишка, — сказала Катя, — а давай сегодня никуда не пойдём. Давай просто посидим в саду. Жарко.

Я согласился. Жарко было действительно невыносимо. Мы взяли старую простыню, расстелили её под яблоней и легли, глядя в небо сквозь листья. Яблоки уже наливались, и некоторые ветки гнулись к самой земле. Катя сорвала одно яблоко — зелёное, кислое — и стала грызть его, морщась.

— Кислое, — сказала она.

— Рано ещё, — ответил я. — Вот через месяц будут сладкие.

Мы лежали и молчали. Я думал о шапке-невидимке. Она лежала в доме, на стуле, и я знал, что она там. Я чувствовал её присутствие, словно она была живым существом. Это было странное чувство — знать, что у тебя есть волшебная вещь, и не использовать её. Но сегодня нам действительно ничего не хотелось делать. Хотелось просто лежать и смотреть в небо.

— Мишка, — снова заговорила Катя, — а как ты думаешь, откуда взялась эта шапка?

Я пожал плечами.

— Бабушка сказала, что она досталась ей от её бабушки. А той — от её бабушки. Значит, она очень старая.

— А кто её сделал?

— Не знаю. Может, какой-нибудь волшебник.

Катя задумалась.

— А почему она стала невидимой? Ну, шапка. Почему она делает невидимым того, кто её наденет?

Я не знал ответа на этот вопрос. Я никогда об этом не думал. Шапка была волшебной, и этого было достаточно. Но Катя хотела понять. Она всегда хотела понять всё до конца.

— Может, её заколдовали, — предположил я. — Или она сама по себе такая. Как... как солнце. Оно светит, потому что оно солнце. И шапка делает невидимым, потому что она шапка-невидимка.

Катя вздохнула.

— Ты ничего не знаешь, — сказала она с укором. — А я думала, ты умный.

— Я и есть умный, — обиделся я. — Просто не всё на свете можно объяснить. Есть вещи, которые просто есть. И всё.

Катя не ответила. Она смотрела куда-то в сторону, и взгляд у неё был задумчивый. Я проследил за её взглядом и увидел, что она смотрит на калитку. Там стоял какой-то человек. Незнакомый. Я никогда раньше его не видел.

Это был мальчик, примерно моего возраста или чуть старше. Худой, с тёмными волосами, которые торчали в разные стороны, как у воробья. На нём была надета выцветшая футболка и шорты, а на ногах — стоптанные кроссовки. За плечами у него висел рюкзак, старый и потрёпанный. Он стоял у калитки и смотрел на наш дом, словно не решаясь войти.

— Мишка, — прошептала Катя, — кто это?

— Не знаю, — ответил я, поднимаясь. — Сейчас спрошу.

Я подошёл к калитке. Мальчик посмотрел на меня. Глаза у него были серые, усталые, и в них было что-то такое, от чего мне стало не по себе. Что-то грустное. Что-то потерянное.

— Ты кто? — спросил я.

— Я Гришка, — ответил он. — Я приехал к бабе Поле. Она моя бабушка. Только её дома нет. Я стучу, стучу, а никто не открывает.

Я вспомнил, что баба Поля действительно уехала в город — к дочери, на несколько дней. Об этом говорила бабушка. Значит, этот мальчик — её внук, который приехал, но не знал, что бабушки нет дома.

— Баба Поля уехала, — сказал я. — Она в город поехала, к тёте Оле. Вернётся дня через три.

Гришка опустил голову. Плечи у него поникли, и он стал казаться ещё меньше и тоньше, чем был.

— А я не знал, — сказал он тихо. — Мне мама сказала, чтобы я ехал. Что баба Поля ждёт. А её нет.

Он постоял ещё немного, потом повернулся и пошёл прочь. Я смотрел ему вслед, и мне стало его жалко. Он был чужой в этой деревне. У него не было никого. И ему было некуда идти.

— Гришка! — крикнул я. — Подожди!

Он обернулся.

— Ты где живёшь? — спросил я.

— В городе, — ответил он. — Я на автобусе приехал. Думал, баба Поля встретит. А её нет.

— А обратно когда автобус?

— Не знаю. Наверное, завтра. Или послезавтра.

Я посмотрел на Катю. Она стояла рядом и тоже смотрела на Гришку. В её глазах было то же самое, что и у меня, — жалость и желание помочь.

— Пойдём к нам, — сказал я. — У нас бабушка есть. Она скоро вернётся. Мы тебя накормим.

Гришка посмотрел на меня с недоверием.

— А ваша бабушка не будет ругаться?

— Не будет, — уверенно сказал я. — Наша бабушка добрая.

Гришка колебался. Он смотрел то на меня, то на Катю, то на дом. Потом медленно подошёл к калитке и вошёл во двор. Он шёл осторожно, словно боялся, что его прогонят. Барсик, лежавший под кустом, приоткрыл один глаз, посмотрел на него и снова закрыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.